

УДК 811,581'38

ББК 81.2Кум-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-79-86

Е. В. Маркасова, Тянь Вэньцзюань
Пекин, КНР

**МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ
МЕСТОИМЕНИЯ «МЫ»
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Аннотация. Работа является продолжением серии статей, посвященной контрастивным исследованиям речевого доминирования в русском и китайском языках. В китайском, как и в русском языке, употребляя «мы» вместо других местоимений, адресант подменяет состав субъекта и тем самым манипулирует адресатом, чтобы последний понял услышанное так, как хочет адресант. Местоимение «мы» в обоих языках отражает общие законы коммуникативного поведения человека. Грамматические различия обуславливают более «мягкий» (по сравнению с русским) характер манипулятивного воздействия «мы» в китайском языке.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, прагматика, речевое манипулирование, местоимение.

Сведения об авторах: Маркасова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка и литературы.

Место работы: Пекинский университет.

E-mail: markasovaelena@yandex.ru

Тянь Вэньцзюань, аспирант факультета русского языка и литературы.

Место работы: Пекинский университет.

E-mail: 100solitude@live.cn

Е. V. Markasova, Tian Wenjuan
Peking, China

**MANIPULATIVE FUNCTION OF PRONOUN
“WE” IN RUSSIAN AND CHINESE
(THE PRAGMATIC ASPECT)**

Abstract. The given research is a continuation of the series of articles devoted to contrastive research in speech domination in the Russian and Chinese languages.

In Chinese as well as in Russian, by using the pronoun «мы» («we») instead of other pronouns, an addresser substitutes the semantic composition of the subject and thereby manipulates the addressee in order to control the way the latter understands the message. As a result, the pronoun «мы» reflects common laws of communicative human behaviour in both languages. Differences in grammar can «soften» the manipulative influence of the pronoun «мы» in Chinese language compared to Russian.

Key words: contrastive linguistics, pragmatics, speech manipulation, pronoun.

About the authors: Elena Valeryevna Markasova, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language.

Place of employment: Peking University.

Tian Wenjuan, Postgraduate student, Department of Russian Language.

Place of employment: Peking University.

Вводные замечания

В последнее время контрастивная лингвистика все чаще обращается к изучению лексики, морфологии и синтаксиса в коммуникативном аспекте. Поиск средств для выражения одинаковых или подобных намерений в общении уже традиционно связывается с понятиями жанр, коммуникативная единица, иллокутивная цель, пропозиция и др. [1: 27–29]. Актуальность этой тематики обусловлена и современными принципами преподавания иностранных языков (мы имеем в виду ориентированность на реальные коммуникативные ситуации), и проблемами поиска эквивалентов в практике перевода.

В нашей работе речь идет о манипулятивной функции личного местоимения «мы». В частности, нас интересуют общие особенности и различия в употреблении этого местоимения в одинаковых речевых жанрах на материале языков, принадлежащих к разным языковым семьям. Эта статья является продолжением серии статей, посвященной речевому доминированию в русском и китайском языках [2].

Материал для исследования собран на основе данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и корпуса китайского языка Китайского лингвистического центра при Пекинском университете (CCL – Center for Chinese Linguistics PKU). В статье также

использованы примеры из работ русских и китайских лингвистов.

1. Общие сведения о местоимении «мы» в русском и китайском языках

1.1. Соотношение я и мы

Традиционно местоимение «мы» трактовалось в русских грамматиках XVIII–XIX вв. как форма множественного числа местоимения «я». В XX веке стала доминирующей другая точка зрения: «мы — это не «много я», а «я + другое лицо / другие лица», следовательно, надо считать «я» и «мы» самостоятельными лексемами [3 : 290]. В. В. Виноградов писал: «Я, ты не имеют множественного числа. Много я, много ты — эти понятия не могут быть непосредственно выражены грамматическими средствами. Местоимения «мы, вы» имеют другие значения» [4 : 330].

В русском языке местоимение *мы* отличается семантической размытостью, что делает его средством манипулирования собеседником [5]. Хотя «мы» не является множественным числом местоимения «я», в нем присутствует «я», и, фигурально выражаясь, изменения в «количественном соотношении» «я» и «не я» всегда чувствительны для адресата, особенно если «я» в «мы» отсутствует.

В китайском же языке местоимение «我们» состоит из иероглифов «我 (я)» и «们 (знак множественного числа)», то есть в китайском как раз выражена идея множественности «я», из которых состоит «мы». Вопрос о составе лиц, включенных в китайское «мы», остается открытым, ответ на него всегда зависит от контекста, как и в русском языке [6 : 63–66].

1.2. Основание манипулятивности *мы*

Персональность является тем полем, на котором происходят драматические события, заставляющие человека становиться то субъектом, то объектом действия, поэтому стоит согласиться с тем, что грамматические категории — «небезопасное в употреблении средство» [5 : 145]. Пожалуй, первым обратил внимание на «опасность» местоимения «мы» К. Бюлер, писавший о том, что в употреблении этого местоимения можно увидеть отражение социальной организации. Эта идея легла в основу многих современных исследований [7–9].

Б. Ю. Норман пишет: «В некоторых языках различаются «мы» инклюзивное и «мы» эксклюзивное. Это значит — там с помощью

разных форм выражается ситуация, когда говорящий объединяет себя со слушающим, и ситуация, когда говорящий объединяет себя с кем-то третьим, а собеседник исключается из числа совокупного субъекта... Это открывает простор для многообразных речевых манипуляций, см.: [10 : 220–224]. В русском языке нет лексических средств выражения инклюзива и эксклюзива.

В китайском языке инклюзивное и эксклюзивное «мы» выражаются разными морфологическими формами, но инклюзивное «咱们» и эксклюзивное «我们» стилистически не эквивалентны. По мнению известного китайского лингвиста Лю Шусяна, инклюзивное «мы» «咱们» характерно для северных диалектов и носит разговорный и иногда просторечный характер [6 : 66]. Учитывая региональность употребления личного местоимения «咱们 (инклюзив)» и его разговорный характер, мы не анализируем это местоимение в нашей работе.

В обоих языках отсутствует «королевское» мы, в связи с чем мы не рассматриваем этот тип.

2. Общие особенности употребления «мы» в русском и китайском языках

2.1. Эксклюзивное «мы»

В обоих языках существуют дипломатическое и авторское «мы», и различий в их функционировании мы не обнаружили.

При использовании дипломатического «мы» адресант «создает» связанную с собой группу «мы = я + другие», чтобы не быть «одиноким». При этом грань между дипломатическим «мы» и другими типами (авторским «мы» и диктаторским «мы») иногда трудно уловить. Такое «мы» часто звучит в публичных выступлениях политических деятелей. Например:

1) *Эти чудаки, оказывается, забыли, что, ведя борьбу с обоими уклонами, мы осуществляем лишь заветы Ленина, безусловно настаивавшего на решительной борьбе...* [И. В. Сталин. Международное положение и оборона СССР (1927)].

При помощи «мы» Сталин «создает» группу, члены которой несут ответственность вместе с ним. При этом по отношению к самим членам этой группы «мы» носит диктаторский характер.

Как в русском, так и в китайском языках авторское «мы» вместо «я» широко употребляется в научной литературе: авторы используют «мы» даже если их работа вы-

полнена без чужой помощи, чтобы подчеркнуть коллегиальность выводов или факт своей включенности в число ученых, когда-либо изучавших эту проблематику. Например:

1) В докладе **мы** сосредоточимся на четырех основных проблемах (НКРЯ);

2) 因此, **我们**的研究就从分析商品开始。(CCL)
(В связи с этим свое исследование мы начинаем с анализа товара).

Как в китайской, так и в русской стилистике распространено представление о том, что авторское «мы» – это «мы скромности». Однако, видимо, граница между «мы скромности» и «мы дипломатическим» легко стирается в ситуациях, когда автор хочет снять с себя индивидуальную ответственность.

В некоторых случаях легко совершается переход «мы» авторского из эксклюзивного в инклюзивное. Например:

.....我们就能明白: 前后两部不仅在思想内容上, 而且在艺术上也是一个整体。(CCL)

...мы можем теперь понять, что первый и второй тома составляют одно целое не только по содержанию, но и по художественному стилю.

В примере авторское «мы» – это «я» (автор) + «вы» (читатели). Так достигается эффект сближения автора и читателя. В русском языке это также возможно (особенно в устных выступлениях ученых и в научно-популярных текстах).

В обоих языках возможна замена авторского «мы» местоимением «я», причем это дискуссионный вопрос и в русской, и в китайской лингвистике.

В русских научных текстах дореволюционного периода было распространено авторское «я». Например:

В этом сочинении я изложил доказательства всех предложений, в которых не нужно прибегать к помощи параллельных линий. [Н. И. Лобачевский. Пангеометрия (1855)].

В постперестроечный период в России были попытки вернуться к «я» авторскому как к маркеру самостоятельности и личной ответственности автора, но эта точка зрения не была принята всеми. [10]. «Я» правомерно, по мнению Чан Чуньюань, если автор высказывает мнение, альтернативное по отношению к существующим в изучаемой области, но в прочих случаях прагматически неуместно.

2.2. Инклюзивное «мы»

В обоих языках существуют идеологическое и диктаторское «мы». Идеологическое «мы» часто используется политиками в качестве инструмента речевого воздействия, например:

1) И год будет таким, каким **мы** сами его сделаем, насколько эффективно, творчески, результативно будет трудиться каждый из нас. Других рецептов просто нет. **Мы** должны выполнить, реализовать всё намеченное, ради себя, ради наших детей, ради России. [В. В. Путин. Текст новогоднего выступления, 2015];

2) 我们要坚定不移, 勇往直前,

建设有中国特色的社会主义, 实现中华民族伟大复兴的“中国梦”。(习近平讲话)

(**Мы** должны предпринять настойчивые усилия, проявить несокрушимую волю, продолжая двигаться вперед... – Речь Си Цзиньпина)

Так адресант пытается разбудить в адресате желание стать членом позитивно оцениваемой группы [7], то есть приобщиться к «коллектив», границы которого в момент восприятия речи выглядят четкими, а состав – однородным.

Референтом диктаторского «мы» является сам адресант со своей группой или без. Политические деятели часто используют «мы» этого типа, с помощью которого навязывают свое мнение другим. Например:

1) У нас серьезная команда во фракции КПРФ в Госдуме и в целом в партии. <...> **Мы** живем в демократическом обществе. Сегодня, в день, когда врио губернатора стал коммунист, это доказано абсолютно всем. [Наталья Башлыкова. Вадим Потомский: «С «Единой Россией» у нас полное взаимопонимание» // Известия, 2014.02.26];

2) Есть и другой вопрос: удовлетворены ли **мы** нынешним состоянием дел? И тут **мы** обязаны со всей реалистичностью и прямотой ответить – нет, не удовлетворены. [Горбачев. Выступление на XX съезде Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи 16 апреля 1987 года].

Диктаторское «мы» довольно широко употребляется и в китайском языке. Им часто пользуются высокопоставленные лица по отношению к адресатам с иным статусом. Например:

2) 新学期, 又是一个新的开始,

我们怀着喜悦的心情迎接它的到来! (CCL)

(Новый семестр – новое начало. **Мы** с радостью его встречаем!)

Разумеется, большинство учеников с радостью встречает летние каникулы, а не новый семестр. Скорее всего, это слова учителя или директора школы, который «заставляет» учеников радоваться вместе с ним.

2.3. «Мы» как заменитель местоимений «ты», «вы», «он», «она»

В обоих языках существуют родительское/учительское «мы». Родители и учителя при обращении к детям/ученикам часто употребляют личное местоимение «мы» в качестве замены для «ты» или «вы». Например, в так называемом родительском «мы»:

1) *Мы уже ботиночки сами шнуруем* (из разговора);

2) 宝贝，要迟到了，**我们**快一些好吗？

(日常对话) (Сынок, **мы** опаздываем, давай побыстрее, хорошо?)

Как родительское, так и учительское «мы», может служить (в зависимости от темпа, тембра, частоты основного тона и проч.) и средством интимизации, и средством выражения угрозы, и способом подавления воли адресата. Последнее очевидно в примерах:

3) *Завтра мы сдаем деньги в фонд класса* (из разговора);

4) 你要记住，**我们**是学生，

我们的主要任务是学习。(CCL)

(Запомни: **мы** ученики, **наша** главная задача – учиться).

Сходство перечисленных ситуаций в том, что, подобно докторскому, родительское и учительское «мы» сокращают расстояние между участниками общения. Адресант, употребляя «мы», либо маскирует разницу в статусах (чтобы маскировать факт давления), либо ставит адресата на одну ступень с собой (чтобы повысить статус адресата и, соответственно, его самооценку), создавая иллюзию равенства. В обоих случаях «единение» лиц в «мы» манипулятивно и может быть как конструктивным, так и деструктивным (в терминологии К. Ф. Седова продуктивным и непродуктивным) [12 : 109].

3. Различия в употреблении местоимения «мы» в русском и в китайском языках

3.1. Наличие стилистических синонимов для «мы»

В китайском языке существуют стилистические синонимы «мы»: 我们 (нейтральное) и 咱们 (разговорное) для «я+ты», «я+вы»,

«я+ты+он», «я+вы+он» «я+ты+они» «я+вы+они». Для «я+он» и «я+они» синонима-инклюзива не существует.

Хотя неопределенность второго компонента «мы» характерна для обоих языков, а конкретный состав «совокупного субъекта» ясен из контекста, в русском языке, в отличие от китайского, у «мы» нет вариантов, различающихся стилистически.

3.2. «Мы» как заменитель местоимений «ты», «вы» (докторское «мы»)

Докторское «мы», используемое врачами при обращении к своим пациентам, считается одним из особых употреблений этого личного местоимения, оно семантически аналогично личному местоимению «вы». Например:

1) *Как мы себя чувствуем?* (из разговора)

Докторское «мы» выражает стремление обеих сторон к интимизации общения, создает у пациента ощущение сочувствия [10 ; 11]. В русском языке докторское «мы» близко к родительскому. В китайском языке такое употребление местоимения «мы» невозможно: китайские врачи употребляют только «您» (вы).

3.3. «Мы» в предложениях, содержащих совет или приказ

Существует различие между русским и китайским употреблением «мы» в предложениях, где глагол в форме настоящего времени выражает побуждение к действию. В китайском языке, «我们» («мы») используется говорящим для смягчения категоричности приказа, а его опущение может привести к противоположному эффекту. Местоимение «мы» смягчает требование в примере:

4) а) 我们测验吧。(Пишем контрольную);

б) 测验吧。(Пишите контрольную).

В связи с тем что глаголы китайского языка не спрягаются, без особой интонации при опущении «мы» слушатель не чувствует стилистического оттенка и скорее всего поймет предложение (б) как жесткий приказ.

В русском языке возможны разные варианты. «В большинстве случаев возможен выбор говорящим как одного, так и другого способа обозначения первых двух лиц коммуникативной ситуации. При этом один из способов можно расценить как более нейтральный» [3 : 254–255]. В. Б. Евтюхин при-

водит примеры с местоимениями «я» и «ты» и показывает, что как вариант с местоимением, так и вариант без местоимения может быть нейтральным. Причем примеры показывают, что при глаголе в повелительном наклонении (рассматривается пара «Не бойся его» и «Ты не бойся его») употребление местоимения «приводит к смягчению побуждения и выражению модальности просьбы, а не требования» [13 : 445].

В русском языке в аналогичной ситуации вместо жесткого требования «*Пишите контрольную*» возможны разные варианты: «*Пишем контрольную!*» – без «мы», либо «*Мы пишем контрольную!*» с «мы» инклюзивным, то есть вовлекающим адресата в круг лиц, уже выполняющих эту работу. При этом предполагается, что адресат не делает то, что он уже должен был делать (как все, входящие в «мы»). Это заявление по-русски имеет множество интерпретаций: «мы» может быть и инклюзивным, и эксклюзивным, и дипломатическим, и диктаторским и др. То есть такого эффекта стабильного смягчения категоричности, как в китайском здесь нет.

3.4. «Мы» + личное местоимение в форме творительного падежа

Еще одно отличие проявляется при попытке перевода русских конструкций типа «мы» + личное местоимение в форме творительного падежа + глагол» на китайский язык. «Мы с X» – конструкция, не имеющая аналога в китайском. В других языках данный смысл выражается через сочинительную конструкцию: «я и X» или «X и я». Свойственная русскому языку, она имеет множество вариантов, отражающих соотношение коммуникативных статусов упоминаемых лиц. Если же в русскоязычном тексте мы встречаем оборот типа *Петр Иванович и я*, то за ним стоят не всегда известные постороннему особенности отношений двух персон. Например, может быть не всегда уместно «мы с ним», если я – студент, а он – ректор. Есть и сложности в выборе «она со мной», «мы с ней», «я с ней». Всякий раз у участников разговора могут возникать взаимные претензии по поводу «значимости» каждой персоны, упомянутой в этих конструкциях.

Отличие в этом отношении возникло из-за особенностей обоих языков.

3.4.1. Мы + второе лицо

В русском языке отсутствует лексический инклюзив «мы», включающий в себя адре-

сата, но есть специфические конструкции «мы с тобой», «мы с вами». Мы имеем в виду только конструкции, подразумевающие совместное действие, и не рассматриваем омонимию, которая предполагает воздействие на адресата, не входящего в состав «мы». В китайском языке уточняющее добавление «с тобой» / «с вами» не считается необходимым. Китайцы привыкли употреблять неопределенное «мы» во всех случаях и определять его состав только по контексту. Например:

а) Мы с тобой говорили об этом.

У этого предложения три варианта китайского перевода.

б1) 我们聊过这件事了 (Употреблено неопределенное «мы» 我们);

б2) 咱们聊过这件事了 (Употреблено инклюзивное «мы» 咱们. Как было сказано, это местоимение чаще употребляется в разговорной речи);

б3) 我和你/我们和你聊过这件事了 (Выражен конкретный состав «мы»:我和你 я и ты / 我们和你 мы и ты. Конечно, этот вариант перевода уже не касается инклюзива).

Таким образом, в русском языке принято выражать инклюзив в форме «мы с тобой» / «мы с вами», а в китайском языке, как правило, так не делают.

3.4.2. «Мы» + третье лицо

Эта конструкция, подобная «мы с тобой/вами», состоит из двух частей: личное местоимение «мы» и уточняющее добавление «с кем». Поскольку уточняющим добавлением в этой конструкции является третье лицо, её функция заключается уже не в выражении инклюзива, а просто в уточнении состава «мы». Например, мы с ним, мы с мамой, мы с Иваном и т.д. Личное местоимение «мы» в этой конструкции может включить в себя либо только самого адресанта, либо адресанта и членов его группы, но чаще – только самого адресанта (мы с мамой = я и мама). Эта особенность характерна именно для русского языка. Подобного употребления личного местоимения «мы» не встречается ни в китайском языке, ни в основных европейских языках. При переводе этой конструкции на китайский язык не употребляется личное местоимение «мы», а просто указывается его конкретный состав. Например:

а) Мы с мамой готовили пиццу.

б) 我和妈妈做了批萨 («мы с мамой» перево-

дится как «我和妈妈 я + мама»; вариант «我和妈妈 мы + мама» недопустим.)

3.4.3. Порядок слов

Для китайского языка характерен строго определенный порядок слов в предложении. Например:

а) Мы с тобой не хотим встречаться.

б) Мы не хотим с тобой встречаться.

В русском языке второе предложение не является полным аналогом первого, оно может быть понято как декларация нежелания представителей некой группы лиц встречаться с адресатом, в то время как а) включает в себя два варианта прочтения: обоюдное нежелание встречаться и отказ группы встречаться с адресатом. Но в китайском языке предложения а) и б) переводятся одинаково: 我们不想和你见面. Из-за невозможности изменения порядка слов китайское предложение не может передавать различия между этими русскими предложениями.

Пример 1. Мы с вами не знаем этого.

我们 (咱们 разг.) 不知道这个 Чтобы передать значение «с вами», можно употребить 我们 (咱们 разг.) 两个不知道这个 Слово «两个» (вдвоем) подчеркивает состав «мы» = я+вы.

Пример 2. Мы с тобой говорили об этом.

我们 (咱们 разг.) 聊过这件事了 (Мы говорили об этом.) Можно добавить слово 两个 (вдвоем). Состав «мы» (мы=я+ты) слушатель определяет по контексту. Хотя «мы с тобой» принято переводить на китайский как «我+你 (я+ты)», в данном случае употребляется только 我们 (мы), а не 我+你 (я+ты), иначе получится «Я тебе говорила об этом».

В русском предложении «мы с тобой» не всегда является нейтральным, оно имеет либо положительную, либо отрицательную коннотацию, которая выражается в изменении частоты основного тона и эмфатическом выделении слова. Особенности мелодики и характер эмфазы («тобой») может быть средством интимизации общения или показывать раздражение говорящего по поводу поведения собеседника.

Пример 3. Мы с тобой не разговариваем.

我们 (咱们 разг.) 不说话 (Мы не разговариваем.). То же самое, что и пример 1. «我和你» (я + ты) недопустим. В русском языке «мы» в этом примере может быть и инклюзивным, и эксклюзивным.

Пример 4. Мы с вами не разговариваем.

我们 (咱们 разг.) 不说话 (Мы не разговариваем.)

В большинстве случаев, опираясь на контекст, «мы с тобой/вами/ним/ней/ними» можно перевести как 我们 (мы) (второй участник совокупного субъекта определяется по контексту). Если мы хотим точно перевести смысл и уточнить состав совокупного субъекта, то принято использовать «我和X» (я с тобой/вами...). Однако следует отметить, что в некоторых случаях в китайском языке такой перевод звучит неудачно. Например, мы говорим только 我们不知道 (мы не знаем), а не 我和你不知道 (я с тобой не знаем).

Наличие этой конструкции в русском языке позволяет подчеркивать противопоставление «мы» и «не мы», коммуникативная граница выглядит более жесткой. В китайском языке описанная конфликтогенная ситуация выглядит значительно дипломатичнее.

4. Заключение

Сопоставив наши наблюдения с данными других исследователей, мы пришли к выводу о том, что в китайском, как и в русском языке, употребляя «мы» вместо других, более «подходящих» местоимений, адресант постоянно интерпретирует состав субъекта в соответствии со своими интересами. Таковы общие особенности речевого манипулирования.

Манипулятивное воздействие личного местоимения «мы» может быть конструктивным и деструктивным в обоих языках, однако вопрос о конструктивности и деструктивности «мы» идеологического, диктаторского или дипломатического решается применительно к материалу в зависимости от отношения исследователя к экстралингвистической проблематике (является ли идеологическое воздействие отрицательным или положительным фактором).

Грамматические ограничения в ряде случаев обуславливают более «мягкий» (по сравнению с русским) характер манипулятивного воздействия «мы» в китайском языке. В результате в китайском языке дистанции между участниками общения, устанавливаются по-другому, а это влияет на прочие характеристики жанров речи.

5. Благодарность

Авторы благодарят за советы и конструктивную критику проф. Ван Синь и проф. Чжоу Хайянь (Пекинский университет, Китай), а также Павла Вячеславовича Ключишина (независимого исследователя).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Гладров В., Которова Е. Г. Контрастивное изучение моделей речевого поведения // Жанры речи. № 2(12). 2015. С. 27–39.

2. Маркасова Е. В., Ван Синь, Цзен Лифу. Речевое доминирование в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: русско-китайские соответствия // Коммуникативные исследования. 2016. № 3. С. 93–101.

3. Евтюхин В. Б. Местоимение // Богданов С. И., Евтюхин В. Б., Князев Ю. П. и др. Морфология современного русского языка: учебник для высших учеб. заведений РФ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 634 с.

4. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

5. Норман Б. Ю. Грамматическое лицо в идеологической рекламе // Коммуникативные исследования. 2014. № 1. С. 142–151.

6. 吕叔湘 (Лью Шусян), 江蓝生 (Цзян Ланьшэн). 近代汉语指代词. 上海: 学林出版社, Указательные местоимения в современном китайском языке. Шанхай: Изд-во Сюе-линь, 1985. С. 63–66.

7. Норман Б. Ю. Русское местоимение МЫ: внутренняя драматургия // Russian linguistics. 2002. Vol. 26. № 2. С. 217–234.

8. Пазилова Н. М. Семантика личных местоимений в разносистемных языках (на материале английского, узбекского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1991. 18 с.

9. Карамова А. А. Грамматические средства идеологичности политического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 143–148.

10. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск: Издательский центр Белорусс. гос. ун-та, 2009. 183 с.

11. Соколова Г. В. «Я» и «мы» для обозначения автора в русском научном тексте // Лингводидактический поиск на рубеже веков. М.: Информационно-учебный центр гос. РТЯ им. А. С. Пушкина, 2000. С. 202–212.

12. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2016. 440 с.

13. Шелякин М. А. Местоимение // Современный русский язык: фонетика, лексикология, словообразование, морфология, синтаксис. 4-е изд. / под общ. ред. Л. А. Новикова. М.; СПб.; Краснодар: Лань, 2003. С. 445.

1. Gladrow W., Kotorova E. G. Kontrastivnoe izuchenie modelej rechevogo povedeniya [Contrastive study of speech behavior patterns]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2015, no. 2(12), pp. 15–19.

2. Markasova E. V., Van Sin'i, Czen Lifu. Rechevnoe dominirovanie v komedii A. S. Griboedova «Gore ot uma»: russko-kitajskie sootvetstvija [Speech dominance in the comedy of A. S. Griboedov "Woe from wit": correlations in Russian and Chinese]. *Kommunikativnye issledovanija* [Communication studies]. 2016, no. 3. Pp. 93–101.

3. Evtjuhina V. B., Knjazev Ju. P. et al. *Morfologija sovremenogo russkogo jazyka: uchebnik dlja vysshih ucheb. zavedenij RF* [Pronoun. Morphology of modern Russian language: textbook for higher studies. institutions of the Russian Federation]. St. Petersburg, 2009. 634 p.

4. Vinogradov V. V. *Russkij jazyk* [Russian Language]. Moscow, 1947. 784 p.

5. Norman B. Yu. Grammaticheskoe lico v ideologicheskoj reklame [Grammatical person in ideological billboard advertising]. *Kommunikativnye issledovanija* [Communication studies]. 2014, no. 1. Pp. 142–151.

6. 吕叔湘 (Lu Shuxiang), 江蓝生 (Jiang Lanshen). 近代汉语指代词. 上海: 学林出版社 [Demonstrative Pronouns in Modern Chinese]. Shanghai, 1985, pp. 63–66.

7. Norman B. Yu. Russkoe mestoimenie my: vnutrennyaya dramaturgiya [The Russian pronoun we: its internal dramatics]. *Russian Linguistics*, 2002, vol. 26, no. 2. Pp. 217–234.

8. Pazilova N. M. *Semantika lichnyh mestoimenij v raznosistemnyh jazykah (na materiale anglijskogo, uzbekskogo i russkogo jazykov)* [The semantics of personal pronouns in the languages with different systems (in English, Uzbek and Russian languages)]. Tashkent, 1991. 18 pp.

9. Karamova A. A. Grammaticheskie sredstva ideologichnosti politicheskogo diskursa. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. 2014, no. 2 (48). Pp. 143–148.

10. Norman B. Yu. *Lingvisticheskaja pragmatika* [Linguistical Pragmatics]. Minsk, 2009. 183 p.

11. Sokolova G. V. «Ja» i «my» dlja oboznachenija avtora v russkom nauchnom tekste [I and we refer to the author in Russian scientific text]. *Lingvodidakticheskij poisk na rubezhe vekov* [Linguodidactic search at the turn of the centuries]. Moscow, 2000, pp. 202–212.

12. Sedov K. F. *Obshhaja i antropocentricheskaja lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow, 2016. 440 p.

13. Sheljakin M. A. Mestoimenie [Pronoun]. *Sovremennyj russkij jazyk: fonetika, leksikologija, slovoobrazovanie, morfologija, sintaksis*. 4–e izd. / pod obshh.

red. L. A. Novikova [Modern Russian language: phonetics, lexicology, word formation, morphology, syntax]. Moscow; St. Petersburg; Krasnodar, 2003, p. 445.

Статья поступила в редакцию 6.12.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Маркасова Е. В., Тянь Вэньцзюань. Манипулятивная функция местоимения «мы» в русском и китайском языках (прагматический аспект) // *Жанры речи*. 2016. №2. С. 80–87. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-79-86

FOR CITING

Markasova E. V., Tian Wenjuan. Manipulative function of pronoun “we” in Russian and Chinese (the pragmatic aspect). *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 80–87. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-79-86 (in Russian).